

АЛЛА БОРИСОВНА ЛИХАЧЕВА

Вильнюсский университет

Интенсификация высказывания как проявление русского коммуникативного стиля

Интенсивность является одной из активно дискутируемых категорий современной науки о языке, что можно объяснить повышенным вниманием лингвистов к проявлениям речевых интенций говорящего, а также качествами самих текстов, в том числе медиатекстов, все большей их экспрессивности и стилистической изощренности [см., напр., Шаховский 2011; Язык средств массовой информации 2008]. В русской лингвистике интенсивность понимается неоднозначно: как одно из средств усиления воздействующей силы языковой единицы [Шейгал 1981, 8], как ситуативно обусловленная яркость слова [Шаховский 2012], как мера количества экспрессивности [Туранский 1990, 21]. В свою очередь, экспрессивность считается составной частью более широкой категории выразительности, которая определяется “как совокупность таких качеств речи, которые обеспечивают ее полноценное восприятие адресатом, то есть восприятие, максимально приближенное к адекватному интенции автора пониманию и переживанию передаваемой информации” [Сквородников, Копнина 2008, 521]. Экспрессивность есть совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, благодаря которым она выступает в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи [ЛЭС, 591], и эти признаки языковой или речевой единицы обнаруживаются, в частности, через категории эмоциональности, оценочности, образности и интенсивности [Сквородников, Копнина 2008, 521]. По словам И.Г. Милославского [2002, 87], субъективное отношение производителя речи к тому, о чем он сообщает, может проявляться в акцентировании, педалировании, подчеркивании, выделении тех или иных моментов описываемой ситуации (впрочем, так же, как в вуалировании, приглушении и даже замалчивании других

аспектов). При всей сложности терминологических взаимоотношений между сопряженными категориями эмоциональности, экспрессивности, выразительности — с одной стороны, и интенсивности — с другой, хочется согласиться с мнением Е. Шейгал [1981, 6], согласно которому **категория интенсивности есть частное проявление категории количества**, а также с точкой зрения И. Туранского [1990, 7], утверждающего, что “с позиций исследователя текста **интенсивность есть мера экспрессивности, эмоциональности, оценочности**, сигнализирующая градуальность”. В связи с этим важно отметить, что формально интенсивность может обеспечиваться теми же языковыми средствами, что и экспрессивность, поэтому к интенсификаторам могут быть отнесены, например, элементы редупликации (*едва-едва*) и плеоназмов (*день деньской*); отдельные аффиксы (*доч-еньк-а*); дейктические замены (*Он (вместо ты) еще обижается!*; *Я ей (вместо тебе) об одном, а она (вместо ты) мне о другом*); экспрессивная лексика различной стилиевой и частеречной принадлежности (*круто, плестись, кляча*); инверсный порядок слов (*нет у меня времени*); просодические средства языка — экспрессивный интонационный рисунок фразы, намеренно искаженное или добавочное ударение (напр., *средствА; не нЕреписать, а нАписать заново*); многочисленные служебные эмфатические слова (*именно, ведь, даже* и пр.). Все эти и подобные языковые средства [ср. Туранский 1990, 43] указывают на степень выраженности явления, о котором идет речь в высказывании.

Чистую идею интенсификации реализуют русские частицы и другая незначительная лексика усилительного характера. Проиллюстрируем это примерами из современных прозаических текстов:

- (1) — **Все-таки** они не могли их съесть за одно утро? Так **ведь**? Не могли **ведь**? — громко спрашивала из-за двери Марысенька (о пропавших щенках, которых могли забрать божжи. — А.Л.). — Не могли! — отвечал я. — Может, их другие божжи забрали? — предположила Марыся. — Но **ведь** они должны были запицать? — подумал я вслух. — А? Заскулить? (З. Прилепин);
- (2) **Ведь** что-то было между ними. А если было, то **разве** существенно — плохое или хорошее? (С. Довлатов);
- (3) Нет, **неужели** так мало я курил... Достал пачку. **Только** шесть сигарет не хватает, правда (З. Прилепин);
- (4) — Это Игорь Николаевич? — опять спросил мужской голос. — Ну **неужели** непонятно, что я не Игорь Николаевич? — раздражённо спросила Ирина (В. Токарева);
- (5) К нам в фойе вышла девушка <...> Взрослая **только**, лет тридцати трех. Но **разве** это недостаток (З. Прилепин);

- (6) ...что я ему и кто я ему? сестра родная? жена? **Даже** не любовница в прошлом... (В. Маканин);
- (7) — А ты **ведь** из «союзников»? — спросило лицо. — Саша **даже** не нашелся, что ответить. (З. Прилепин);
- (8) Иногда Маруся уговаривала его: — **Хоть бы** ты напился! — Дима отвечал Марусе: — Пьянство — это добровольное безумие. — Маруся не успокаивалась: — **Хоть бы** ты меня приревновал! (С. Довлатов);
- (9) Муж был **совершенно** необходим. Его следовало иметь **хотя бы** в качестве предмета ненависти (С. Довлатов);
- (10) Но не влюбился. Он **вообще** не влюблялся в женщин. Он любил свою семью (В. Токарева);
- (11) — А ты **вообще** иди и заройся у себя за стойкой, — сказал тип Вадику и следом за девушкой вернулся в клуб (З. Прилепин);
- (12) — А я у Валиеса была, — сказала Марыся. — Он предложил мне выйти замуж. — За него? — Глупый вопрос. За кого **же** (З. Прилепин);
- (13) ...это же замечательная мысль! Это **же** очень умно!.. <...> Какая **же** это была добрая и замечательная женщина и какие **же** добрые и замечательные были ее слова (В. Маканин).
- (14) — А откуда ты знаешь, что это судья? — Я журналист, я **же** сказал. Да его все знают... (З. Прилепин);
- (15) Невестка **все равно** недовольна <...> А чего недовольна, **спрашивается**? Из **каких таких** господ? <...> Сын **сам** выбрал, **сам** пусть живет. А **то еще** разведутся (В. Токарева).

В первом примере частица **все-таки** “подчёркивает скрытое противопоставление” [БТС], частица **ведь** (примеры 1, 2, 7) служит “усилению основного содержания всего высказывания (предположения, утверждения, вопроса и т. п.) или выделения, подчеркивания отдельного слова” [там же], “служит для усиления выразительности”, а в качестве союза “указывает на причину, основание предшествующего утверждения” [СО, 65]. Субъективно-модальные частицы **разве**, **неужели** (примеры 2, 5, 3, 4) употребляются “при ответе на сообщение, которое вызывает удивление, изумление, недоверие или неудовлетворение”, **неужели** также “при выражении иронического несогласия, отрицания (обычно в ответной реплике)” [Ефремова 2004, 388, 546]. Местоименное наречие **так** (пример 3) имеет одно из значений — “в такой степени, до такой степени, настолько” [там же, 626]!. Сниженная частица **ну** (пример 4) придает “высказыванию большую силу, выразительность, подчеркивает значение того или другого слова” [БТС]. Частица **только** (примеры 3, 5) употребляется “при выражении ограничения, соответствуя по значению сл.: не более чем, не ранее чем, всего лишь. Употр. при ограничительном выделении из множества, соответствуя по значению сл.: исключитель-

но, единственно” [Ефремова 2004, 638]. Частица **даже** (примеры 6, 7) употребляется “для выделения и усиления слова или словосочетания, к которому относится” [там же, 154]. Частица **хоть, хотя (бы)** (примеры 8, 9) употребляется для усиления того слова или синтагмы, к которым относится, и “означает ‘по крайней мере, пусть даже’” [БТС]. Наречие **вообще** (примеры 10, 11) — синоним *совсем, совершенно* “употребляется в значении выделяющей и противопоставляющей частицы” [СО, 86] (ср. пример 9, где наречие *совершенно* имеет значение ‘абсолютно, безусловно’ [СО, 19]). Частица **же** (примеры 12, 13, 14) употребляется “для подчеркивания, усиления смысла сказанного (при сопоставлении, противопоставлении)” [БТС], а также “для смыслового выделения, подчеркивания значения слова, к которому она находится в постпозиции” [Касаткина 2004, 71]. Частица **да** в начале предложения (пример 14) “употребляется для придания высказыванию большей силы, выразительности” [БТС]. **Все равно** (пример 15) в значении частицы “усиливает противопоставление; тем не менее, несмотря на что-л.” [там же]. В этом же фрагменте (пример 15) видим еще несколько интенсификаторов: союз **а** “в начале реплики или при внезапном переходе от одной мысли, темы к другой употребляется для усиления выразительности” [там же]; эмфатическую функцию выполняют и словоформа **спрашивается** в значении вводного слова, имеющего разговорную окраску и употребляющегося “для подчеркивания вопроса, недоумения и т. п.” [СО, 674]; частица **еще** употребляется “для выражения осуждения, упрека, иронии”, “для выражения резкого несогласия с кем-л., отрицательного отношения к кому-л.” [БТС]; разговорный союз **а то**, употребляемый “для соединения предложений (во втором из которых действие или событие могло бы произойти, если бы препятствием для него не послужило реальное действие или событие первого предложения), соответствуя по значению сл.: *в противном случае, иначе*” [Ефремова 2004, 37]. Меру экспрессивности предложения увеличивает также просторечная плеонастическая конструкция **из каких таких**, употребляемая “в знач. какой для усиления вопроса” [СО, 232], и местоименное прилагательное **сам**, которое “подчеркивает, что речь идет о данном лице или предмете; именно он и никто другой, именно оно и ничто другое” [БТС].

Интенсификаторы частотны и в русских медиатекстах, а экспрессивный заряд этих текстов проявляется уже в заголовках. Например, в названии статьи

(16) “**Такой вот** ‘политический нейтралитет’” [politonline.ru]

интенсифицирующую функцию выполняет частица **вот**, которая “употребляется для уточнения и усиления значения последующего слова

или высказывания в целом” [БТС] и “относится к фрагментам высказывания или выделяет уже названный в тексте объект или иное понятие, и сигнализирует при этом об отношении к ним говорящего” [Овчинникова 2009, 14], а также “употребляется при подчеркивании или усилении качественно-количественной характеристики <...> при выражении удивления” [Ефремова 2004, 104]. Здесь **вот** сочетается с местоименным прилагательным **такой**, “выражающим сильную степень свойства, состояния или усиления оценки” [БТС].

Другое название включает частицу **неужели**, подчеркивающую сомнение, удивление (см. комментарий к примерам 3, 4):

(17) “**Неужели** Атлантида найдена?” [pravda.ru].

Очевидно, что среди медийных текстов особой экспрессивностью могут обладать интервью, и это хорошо заметно в заголовках, содержащих цитаты из интервью. Так, в заголовок интервью с российским лингвистом Максимом Кронгаузом вынесены его слова:

(18) “Пушкин **сам** использовал сленг” [gazeta.ru].

Другие примеры:

(19) “Алла Демидова: «**Ведь** это пишу я...»” [erfolg.ru];

(20) “Александра Маринина: «Какой **там** Гамлет? Он не пара моей Каменской»” [kr.ru].

В 18-ом примере в качестве интенсификатора выступает **сам** (см. выше комментарий к примеру 15), в 19-ом — **ведь** (см. комментарий к примерам 1, 2, 7); в 20-ом — частица **там**, употребляемая “обычно при местоименных словах для придания оттенка несущественности, пренебрежения” [БТС], кроме того, эта частица указывает, “что то, о чем сообщается, далеко от интересов говорящего и слушающего. <...> Там должно показать слушающему, что больше этим интересоваться не нужно” [Овчинникова 2009, 19].

Примером достаточно типичного проявления категории интенсивности в современном медиатексте может служить уже упоминавшееся интервью о будущем русского языка и его статусе на Украине с директором Института лингвистики РГГУ профессором Максимом Кронгаузом [gazeta.ru]. Вот несколько фрагментов из этого текста:

<...> **ни** на Украине, **ни** в России сегодня **невозможно** оценивать закон просто как закон. **Непреренно** нужно понимать его политический контекст. И если мы попробуем взглянуть на этот закон объективно, то закон неплохой, для многих людей нужный. **Именно** поэтому поначалу я не понимал резко отрицательной реакции со стороны милых интеллигентных людей, для которых русский

является родным языком. **Тем более** что **никаких** содержательных объяснений они не давали.

<...> Так что как русист я, **конечно**, радею за русский язык, но считаю, что высказываться в этой ситуации лингвисту — **тем более** из России — не стоит. Любое высказывание извне будет расценено как политическое давление. А я бы хотел делать **исключительно** лингвистические высказывания.

<...> Для меня **лично** русский язык в школе был одним из **самых** нелюбимых предметов, **тем не менее** я стал лингвистом и специалистом **именно** по русскому языку. Произошло это **точно** не благодаря школе — но и не вопреки, а как бы параллельно. Традиционный курс русского языка **ни в коей мере** не направлен на то, чтобы учить детей русскому языку.

<...> С текстами **ведь** в школе почти не работают.

<...> учитель русского языка, как и все остальные учителя, занят натаскиванием ученика на экзамен. И тут **уж не до** любви к русскому языку.

<...> В общем, “русский язык” и “русский язык как школьный предмет” существуют **абсолютно** независимо. Есть люди косноязычные, есть люди красноречивые, но это не связано со школьным обучением, это талант, семья, общение с друзьями. Процесс **же** учебы сегодня превращается не в образование, а в борьбу за лучшее место под солнцем.

<...> Язык Толстого и Достоевского для их современников тоже не был безупречен, поскольку не был освящен традицией. Но гений **на то и** гений, чтобы осваивать современность — и **даже** опережать ее. Такие же отношения у него и с языком. Он чувствует его тенденции и развивает их. И то, что сейчас кажется неправильным или **слишком** смелым, впоследствии становится нормой и **даже** традицией.

Помимо прокомментированных выше усилительных частиц **ведь**, **же**, **даже**, здесь присутствует повторяющаяся частица **ни**, которая в значении союза употребляется “при перечислительных отношениях, усиливая при этом отрицание” [БТС]; частица **уж**, которая “усиливает значение местоимений и наречий, с которыми связана по смыслу” [там же]; частица **тем не менее**, которая употребляется “при противопоставлении чего-л. предшествующему высказыванию, соответствуя по значению сл.: все же, все-таки” [Ефремова 2004, 631]. В тексте присутствуют выделительные частицы **исключительно**, **именно**, **тем более**, первая из которых употребляется “при ограничительном выделении из множества, соответствуя по значению сл.: *единственно, только*” [там же, 225], вторая — “при подчеркивании какого-л. слова, при указании на него, соответствуя по значению сл.: *как раз*” [там же, 220]; третья — “для выделения или усиления важности последующей части высказывания, соответствуя по значению сл.: *в особенности, подавно*” [там же, 631]. Здесь же видим и союз **тем более что**, который “употр. при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения (содержащей до-

полнительный и существенный довод), соответствуя по значению сл.: *тем более*” [там же], а в данном тексте “существенность довода” подчеркивается не только самим союз, но и парцелляцией высказывания.

В качестве усилителей экспрессивности выступают также сочетание *не до* с отрицательной частицей *не*; разговорная частица *конечно*, употребленная в качестве вводного слова; разговорная конструкция *на то и*; категоричный предикатив *невозможно*; наречия-интенсификаторы *непрененно, лично, точно, ни в коей мере, абсолютно, слишком*, местоименные прилагательные *самый* (*один из самых нелюбимых предметов*) как компонент превосходной степени и никакой (*никаких объяснений*), которое вместе “(с последующим отрицанием) выражает полное отрицание; ни один (из всех, многих, возможных)” [БТС].

Значительно более концентрированную интенсивность высказываний демонстрирует другой текст — портретное интервью с Захаром Прилепиным “Мы последние в очереди на покаяние”, опубликованное в “Российской газете” [rg.ru]. Рассмотрим фрагменты рассказа писателя о себе, о его отношении к другим писателям и читателям, а также к России:

<...> *никакого Прилепина-поэта нет.*

<...> *Я совершенно искренне убежден, что Высоцкий, конечно, никакой не великий поэт — и сам он это очень хорошо понимал. <...> Малоумное, безоглядное почитание и возвеличивание Высоцкого-поэта привело — в числе прочего — к тому, что у нас сейчас на поэтических полках в магазинах продается **какая-нибудь джигурда, а прекрасные поэты годами не могут издать своих книг. <...> Да их и не читает никто. Люди вместо поэзии с куда большим удовольствием потребляют “надрыв” и прочее “актерство”. <...> Дольский всегда казался мне чуть по-иному близким, чем Высоцкий, и его музыку я слушал куда чаще. Причем, быть может, это даже не связано с масштабом дара. <...> А Высоцкий... он гениальная личность, гениальный человек, — он огромный, он очень честный, очень родной многим. <...> У Высоцкого собственно поэтический дар очень умеренный — но он его “накрутил” за счет своей жуткой и страшной биографии, за счет громокипящей энергии своей. Я более всего люблю несколько его поздних песен <...>. Это невыносимо хорошо, абсолютная песенная классика — безоговорочно признаю это. Но вообще сам высокоцкий надрыв, его явное шестидесятничество — это не всегда лично со мной совпадало.***

<...> *В нынешнюю деревню нужно вбихивать огромные деньги, в чем же еще может быть надежда на выздоровление. Там должно вводиться отличное жилье, и должны быть высоченные зарплаты. И сотни тысяч сбегут из городов туда.*

Но нам же не нужна деревня — зачем она? Мясо и зерно мы покупаем за

границей, это дешевле обходится. Так что **никакого** подъема при таком подходе **ждать не приходится**.

<...> Испытываю к своей земле **самые теплые, такие немного стыдные даже, очень** сентиментальные чувства. **Ничего подобного** за пределами моей страны не испытываю почему-то. <...> Она **очень** похожая **ведь**, Россия — от Смоленска до Владивостока **очень** много похожего. Европа на **куда** меньших расстояниях отличается **разительнее**.

<...> я могу позволить себе **такую** степень открытости, что кому-то она покажется неприличной. Мне все равно, что **там** кому кажется.

<...> Любовь народная, если таковая есть **хоть в малой степени**, мне дорога.

<...> У меня нет **никаких** иных орудий для познания и описания мира, кроме моей честности.

<...> А какие чувства я **пробуждаю** лирой — **добрые** или нет, я не знаю. Наверное, иногда **не самые добрые**...

В этом тексте много оценочных, категорично-констатирующих единиц, нередко с количественными коннотациями, напр.: **малоумный, гениальный, жуткий, безоговорочно, абсолютная, вбахивать, высоченные** и пр. На повышение меры экспрессивности работают и фразеологизированные сочетания **ждать не приходится, ничего подобного, хоть в малой степени**, оксюморон **невыносимо хорошо** и др.; наречия-квантификаторы **совершенно** (убежден), означающее здесь “в полной мере, вполне” [Ефремова 2004, 599] и **чуть** (по-иному) со значением “совсем немного, слегка, в незначительной степени” [БТС]; качественно-обстоятельственным **еще** (же) со значением “кроме того, в придачу, вдобавок” [Ефремова 2004, 186]; существительное **годами** в значении наречия, называющего период времени в несколько лет [БТС]; местоименные прилагательные — разговорные **никакой** (не поэт) в значении “совсем не, вовсе не” [там же] и **какой-нибудь** (**какая-нибудь** джигурда) — “не стоящий внимания, незначительный, ничтожный” [там же] (а вся конструкция с фамилией реального артиста является фоностилистической апелляцией к разговорному *ерунда* и разговорно-сниженному *белиберда*); **такие** (немного стыдные) — “выражает сильную степень свойства, состояния или усиления оценки” [там же] и т. п. В финальных фразах видим отсылку к прецедентному тексту — строкам А.С. Пушкина, что усиливает экспрессивную тональность интервью.

Не менее важную роль в интенсификации этого текста играет незначительная лексика, например, уже упоминавшиеся выше частицы **сам** (см. комментарий к примеру 15), **даже** (примеры 6, 7), **только** (примеры 3, 5); **вообще** (примеры 10, 11), **же** (примеры 12, 13, 14); **хоть** (примеры 8, 9); **ведь** (примеры 1, 2, 7); **там** (пример 20); союз **а** (при-

меры 15); разговорно-сниженная частица *куда* “в сочетании с прилагательным или наречием в сравнительной степени означает ‘значительно, несравненно, гораздо’” [БТС; Ефремова 2004, 259].

Остановимся на роли незначительной лексики в интенсификации высказываний подробнее. По словам авторов монографии “Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания” [1998, 9]², своеобразие плана содержания незначительной лексики “часто интерпретируются как отсутствие у этих единиц собственного лексического значения <...> Ср. характерные словарные комментарии *употребляется для усиления / выделения / подчеркивания* и т. п.”. Вместе с тем, по мнению ученых, необходимо иметь в виду, во-первых, тот факт, что проведение границы между значением незначительного слова и значением контекста значительно более сложно, чем в случае конкретной лексики, во-вторых, может происходить усиление-ослабление значимости тех или иных компонентов семантики этих единиц под влиянием факторов контекста [там же, 9, 11]. В другой коллективной монографии находим мнение, перекликающееся с приведенным выше: “текст устной речи обычно получает аранжировку разными частицами <...>, которые могут существенно изменять семантику высказывания или его модальность”, при этом сами частицы имеют “скрытую семантику” [Касаткина 2004, 71, 73]. Также отмечается имплицитность информации, передаваемой усилительными частицами: “Существует определенная взаимосвязь между функциями частицы и ее семантикой... <...> И, как и в случае с полнзначной лексикой, эта связь частично узуализирована, а частично выводима слушателем на основании знания общего значения, контекста и другой информации, общей для говорящего и слушающего. <...> Иногда служебные слова передают сведения о представлениях говорящего об известности/новизне сообщаемого (же, ведь, -то, этот самый), например: *Я же тебе говорил об этом* — очевидно, что сообщается то, что должно быть слушающему уже известно. Частица показывает, что эта известность вполне осознается говорящим, иначе у слушающего может сложиться неправильное представление о том, что говорящий считает известным, а что нет. Из факта сообщения известного можно сделать вывод, что новым является не эксплицитное содержание, а те импликации, которые могут быть выведены” [Имплицитность в языке и речи 1999, 40–41]. При этом, не обладая однозначной “явной” семантикой, русские интенсифицирующие частицы способны передавать прагматически важную информацию, что может быть в некоторой степени “вычитано” из лексикографических комментариев к подобной лексике, но более подробно описано в

некоторых специальных работах [см., напр.: Лихачева 2012; Володина 2003; Нагорный 2001; Имплицитность в языке и речи 1999]. Так, незначительными словами может выражаться: указание на причину, основание предшествующего утверждения, удивление из-за отсутствия реакции на известное (*ведь*); удивление или другие эмоции относительно предмета речи (*вот*); пренебрежение, выражение оттенка несущественности, низкая оценка кого-нибудь или чего-нибудь или отсутствие какого бы то ни было отношения к чьим-то действиям или поступкам (*там*); подчеркнутое указание на очевидность факта, раздражение, недовольство по поводу того, что приходится говорить об известном, очевидном, повторять сказанное, напоминать или требовать снова (*же*); выражение, подчеркивание противопоставления (*все-таки, все равно, а то*); экспрессивное утверждение или отрицание, недоверие, сомнение, удивление в несобственно-вопросительных высказываниях, указание на то, что данный факт вызывает удовлетворение, радость или, наоборот, неудовольствие, досаду, а также негативная оценка происходящего, указание на то, что так поступать нельзя, выражение иронии, несогласия с высказанным мнением (*хоть бы, разве, неужели*), выражение осуждения, упрека, иронии, резкого несогласия с кем-либо, отрицательного отношения к чему- или к кому-либо (*еще*) и пр.

По словам И. Туранского [1990, 125], “интенсификаторы выполняют функцию своего рода датчиков напряжения: они сигнализируют прагматический пик высказывания, высвечивают коммуникативно наиболее весомые элементы. Благодаря интенсифицирующим конструкциям высказывание характеризуется повышенной экспрессивностью и этим привлекает к себе внимание адресата”. Исследователь также говорит о том, что выбор средств интенсификации высказывания и их плотность в тексте есть показатель речевого темперамента говорящего [там же, 26, 134]. Однако количественные характеристики экспрессивности имеют не только индивидуальные особенности — они специфичны в разных лингвокультурных сообществах и в национальных коммуникативных культурах, и даже если собственно перевод интенсификаторов с одного языка на другой не вызывает затруднений, даже если экспрессивный лексический арсенал в разных языках соизмерим, в них может не совпадать частотность употребления отдельных слов-интенсификаторов; кроме того, может различаться степень насыщенности текста такими элементами (ср. упоминания о “напряженности” высказываний, обусловленной национальным темпераментом, в [Марковина, Сорокин 2008, 48–51]), их соответствие или несоответствие национальному коммуникативному стилю.

Под национальным *стилем коммуникации*, или коммуникативным этностилем понимается “доминирующая манера общения, проявляющаяся в большинстве коммуникативных ситуаций” [Стернин, Стернина, Ларина 2003, 166]; это “предопределяемый культурой тип коммуникативного поведения, проявляющийся в выборе и предпочтительности средств коммуникации (вербальных и невербальных), используемых в процессе межличностного взаимодействия” [Ларина 2005].

Как показывают многочисленные работы (в том числе сопоставительного плана), доминирующей манере русского общения свойственны коммуникативное давление, стремление к сокращению психологической проксемики между говорящими, представление о возможности вторжения внутрь личной сферы индивида, регулятивность, стремление к вербальной оценке ситуаций и лиц и высокая степень категоричности высказываемых оценок, коммуникативное доверие, высокая эмоциональность общения [см. Вахтель 2000; Прохоров, Стернин 2006; Стернин, Стернина, Ларина 2003, Турунен 2000; Шилихина 2000]. Такие параметры коммуникативного стиля в западных коммуникативных культурах проявляются значительно слабее, чем в русской. В них не принято активное распространение на собеседника психологического состояния говорящего. Возможно, поэтому иноязычной аудитории часто так сложно объяснить не только смысл русских экспрессивных выражений, но и саму целесообразность их использования в той или иной ситуации.

По мнению исследователей русского коммуникативного поведения, “в процессе общения русский человек ощущает себя частью коллектива, он уверен в том, что его проблемы и желания интересуют собеседников и найдут в них отклик. При таком типе взаимоотношений категоричность, императивность не являются угрозой или помехой гармоничным отношениям и не нарушают принципов вежливости, характерных для русского коммуникативного поведения” [Стернин, Стернина, Ларина 2003, 171].

В целом относительно использования интенсификаторов в речи можно заметить, что ими в первую очередь обеспечивается вовлечение адресата в эмоциональную сферу адресанта, который стремится добиться от собеседника восприятия, аналогичного субъективному отношению говорящего к тому, о чем идет речь. Однако, как уже было сказано выше, значительная доля прагматических смыслов (упрек, недовольство, претензия, ирония и пр.), будучи оформленными интенсификаторами, могут иметь в русском общении имплицитный характер. Возможно, это обстоятельство коррелирует с точкой зрения тех иссле-

дователей, которые видят в русском коммуникативного стиле не только прямолинейность, эмоциональность и безапелляционность, но и отмечают важность для русского общения категории коммуникативного смягчения [Тахтарова 2011]. С другой стороны, использование в вербальной коммуникации большого количества экспрессивных единиц со “скрытой” семантикой может говорить о том, что прямого выражения своих эмоций и намерений русским оказывается недостаточно.

Интерпретация этой проблемы напрямую связана с проникновением в особенности ментальности говорящих по-русски, с выяснением того, “какие именно элементы смысла в русском узусе могут не получать эксплицитного выражения, являясь и для продуциента, и для реципиента самоочевидными, не нуждающимися в специальном означивании” [Милославский 2002, 136]. Хочется поддержать еще одно утверждение ученого: на сегодняшний день мы недостаточно понимаем, с какими языками сближается и с какими расходится русский язык по своим важнейшим семантико-коммуникативным характеристикам. В то же время изучение того, что стоит за той или иной семантико-коммуникативной особенностью русского языка, в том числе и на фоне других языков, не менее существенно, чем ответы на вопросы о типологических или формально-генетических чертах русского языка [там же, 152–153].

Состав экспрессивной лексики, ее популярность или непопулярность в общении, типы коммуникативных ситуаций, в которых она используется, обусловлены различиями в коммуникативных установках носителей разных языков, в их национально-психологических особенностях³. Поэтому изучение и описание интенсифицирующих слов того или иного языка целесообразно производить с опорой на данные исследований по национальному коммуникативному поведению, причем в центре такого рода исследований должен, по-видимому, оказаться вопрос о том, какими чертами национального коммуникативного стиля обусловлена интенсификация высказываний в каждом из описываемых языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т. Ефремова, автор первого в русской лексикографии “Толкового словаря служебных частей речи русского языка”, относит наречия и предикативы к служебным частям речи, объясняя это, в частности, тем фактом, что они нередко образуют синонимические ряды с частями речи, традиционно называемыми служебными: предлогами, союзами, частицами и междометиями [Ефремова 2004, 3].

² Авторы монографии называют дискурсивными слова, которые, по их мнению, соотносимы с выделяемыми в русистике служебными/неполнозначными и модаль-

ными словами [*Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания* 1998, 8].

³ Ср., например, исследования Т. Лариной, согласно которым английской речи присущи завышенные эмоциональные оценки окружающего и происходящего с помощью большого количества лексических гипербола absolutely (completely) marvelous (extraordinary, devastating, incredible, fantastic, wonderful, delightful, ravishing, divine, amazing, unbelievable), а стратегия преувеличения является одной из важнейших в английском коммуникативном поведении [Ларина 2005].

Источники

politonline.ru — <http://www.politonline.ru/ventilyator/9823.html> (24.07.2012).
pravda.ru — <http://www.pravda.ru/science/mysterious/past/18-02-2011/1066818-atlantidagoogole-0/> (24.07.2012).
gazeta.ru — http://www.gazeta.ru/science/2012/07/12_a_4678653.shtml (24.07.2012).
erfolg.ru — <http://www.erfolg.ru/culture/demidova.htm> (24.07.2012).
kp.ru — <http://kp.ru/daily/25745/2733122/> (24.07.2012).
rg.ru — <http://www.rg.ru/2010/11/01/prilepin-site.html> (26.07.2012).

СЛОВАРИ

Язык средств массовой информации, 2008: Под ред. М.Н. Володиной. Москва.
БТС, 2009 = Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. Санкт-Петербург. Доступ в Интернете: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
Ефремова Т.Ф., 2004: *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*. Москва.
ЛЭС, 1999 = *Лингвистический энциклопедический словарь*. Под ред. В. Ярцевой. Москва.
СО, 1983 = Ожегов С.И. *Словарь русского языка* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва.

ЛИТЕРАТУРА

Вахтель Н.М., 2000: Модели чисто русских речевых актов, in *Русское и финское коммуникативное поведение*. Воронеж, 45–46.
Володина Г.И., 2003: *А как об этом сказать?: Специфические обороты разговорной речи*. Москва.
Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания, 1998: Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. Москва.
Касаткина Р.Ф., 2004: Частица же в роли текстового коннектора (на материале русской диалектной речи), in *Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей*. Отв. ред. Т.М. Николаева. Москва, 71–83.
Ларина Т.В., 2005: Английский стиль фатической коммуникации, in *Жанры речи*. Вып. 4. Саратов, 251–262. Доступ в Интернете: http://193.232.218.56/web-local/prep/prep_1092/load/uem_1_3.doc. (28.07.2012).

- Лихачева А.Б., 2012: Прагматическая роль незнаменательных слов в медиатексте, in *Средства массовой информации в современном мире*. Петербургские чтения. Санкт-Петербург, 247–250.
- Имплицитность в языке и речи*, 1999: Отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. Москва.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А., 2008: *Культура и текст: введение в лакунологию*. Москва.
- Милославский И.Г., 2002: *Культура речи и русская грамматика*. Москва.
- Нагорный И.А., 2001: *Пресуппозитивная функция модально-персуазивных частиц в высказывании*. Доступ в Интернете: <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/nagornii.pdf> (28.07.2012).
- Овчинникова Т.Е., 2009: *Пространственная метафора в семантике модальных частиц дейктического происхождения*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва. Доступ в Интернете: <http://www.linguanet.ru/science/dissertations/2009/Ovthinnikova%20Т.Е/Ovthinnikova%20Т.Е.pdf> (28.07.2012).
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А., 2006: *Русские: коммуникативное поведение*. Москва.
- Сковородников А.П., Копнина Г.А., 2008: Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка, in *Язык средств массовой информации*. Москва, 521–539.
- Стернин И.А., Стернина М.А., Ларина Т.В., 2003: *Очерк английского коммуникативного поведения*. Воронеж.
- Тахтарова С.С., 2011: *Митигативные характеристики русского коммуникативного стиля*. Доступ в Интернете: http://www.rusnauka.com/13_NMN_2011/Economics/10_86577.doc.htm (28.07.2012).
- Туранский И. И., 1990: *Семантическая категория интензивности в английском языке*. Москва.
- Турунен Н., 2000: Русский характер и коммуникативное поведение в восприятии финнов, in *Русское и финское коммуникативное поведение*. Воронеж, 25–37.
- Шаховский В.И., 2011: Речь вокруг нас: эмотивная лингвоэкология, in *Стратегия России*, №2. Доступ в Интернете: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1298626946&archive=1298627601&start_from=&ucat=14& (20.07.2012)
- Шаховский В.И., 2012: Мотивы изучения эмотивной семантики, in *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Москва. Доступ в Интернете: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=RU&blang=ru&page=Book&id=164686> (22.07.2012).
- Шейгал Е.И., 1981: *Интензивность как компонент семантики слова в современном английском языке*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- Шилихина К. М., 2000: Коммуникативное давление в русском общении, in *Теоретическая и прикладная лингвистика*. Вып. 2. *Язык и социальная среда*. Воронеж, 103–108.

ALLA LIKHACHIOVA

**Intensification of Utterance as a Manifestation
of the Russian Communicative Style**

The article is devoted to the analysis of Russian intensifiers – words which provide the strong expressivity of Russian speech and texts. The category of intensity is defined as a measure of emotionality and expressiveness and a particular manifestation of the category of quantity (or graduality) in speech.

For an adequate understanding of Russian texts, including media texts, not only explicitly expressed intensifiers, but also the implicit senses of intensifying words should be taken into account.

In the article, attention is paid to the potential correlation between the intensesness of a text and the typical features of the Russian communicative style, such as emotional pressure, short psychological distance, retraction of the interlocutor into the speaker's emotional sphere, etc.

It is suggested that, for a proper understanding of the relation between the national mentality and the usage and popularity of certain lexical units, and, moreover, for an understanding of which languages are close to or far from Russian in speech intensity, the description of the level of linguistic expressiveness of the utterance in Russian, as well as in other languages, should include the research of a national communicative style.

Key words: Russian speech, intensifiers, expressivity, implicit senses, communicative style.